ХОЗЯЕВА РАСЦВЕТАЮЩЕЙ ЗЕМЛИ

Виталий ЗАКРУТКИН,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

В глубине Сальских степей, в ста пятидесяти километрах от города Ростова-на-Дону, есть колхоз имени И. В. Сталина. Да-них сюда с'ехались сотни людей: секретари райкомов партии, председатели колхозов, агрономы. В колхозе состоялось совещание, посвященное передаче опыта по освоению травопольной системы земледелия.

Огромный зал был залит ровным светом электроламп в матовых абажурах. На стенах, окантованные рамками, красовались десятки диаграмм, рисующих путь колхоза имени Сталина за четверть века. На столах и стендах было выставлено то, что вырастили колхозники в 1948 году.

Раскрыв блокноты, люди ходили от стола к столу, всматривались в скупые цифры диаграмм, быстро записывали нужные сведения, погружали пальцы в сыпучее янтарное зерно, перебирали пшеницу на ладони, пробовали на зуб...

Во втором часу дня секретарь Ростовского обкома ВКП(б) тов. Добрынин открыл совещание. За большой стол уселись члены президиума — лучшие коммунисты, знатные колхозники Дона. С докладом о травопольной системе земледелия выступил начальник областного управления сельского хозяйства тов. Хорошилов.

Потом у кафедры стал старый агроном колхоза имени Сталина Алексей Михайлович Мальцев, неторопливый, спокойный человек в черном костюме. Он начал говорить о жизни и трудах родного колхоза.

Включенный монтером прожектор осветил схему колхозных лесопосадок, и все увидели на огромном матовом ярко-зеленые прямоугольники полезащитных лесопосадок, прочным заслоном охраняющих каждый участок земли...

Впрочем, сидящие в зале люди, повернув головы, могли не сходя с места, видеть за окном то, что изображалось на схеме: совсем близко, за двухэтажными коттеджами центральной усадьбы, виднелась на темном фоне степи белой кромкой нетронутого снега, высились ровные линии лесополос...

Агроном Мальцев неторопко рассказывал о колхозе, вспоминаем в двадцать седьмой год своей истории...

— Теперь нам не страшны никакие суховеи, — сказал, подняв очки. Мальцев, — все наши поля закрыты от ветров зеленой стеной. У нас уже есть массивы акации десятиметровой высоты. Зато-матерели дуб, ясень, гледичия, алыча, абрикосы... И когда по степи неслась ветровая мгла и сила ее достигала тридцати метров в секунду, у нас не было выдувания зерна ни на одном клочке, потому что выращенные нами лесополосы навеки преградили дорогу ветрам...

Он шевельнул листки бумаги и сказал, волнуясь:

— У нас уже создано то, что мы называем «лесной обстановкой»: достаточная влажность воздуха, снегозадержание, изоляция ветров. Мы сами руководили водным режимом нашей земли и этим избавили себя от капризов погоды... Теперь уже можно сказать, что колхоз заложил основы для планомерного роста урожайности...

Агроном стал обстоятельно докладывать обо всем, что делал колхоз и что в совокупности составляет травопольную систему земледелия. Это был живой отчет, в котором цифры раскрывали замечательные успехи сталинцев во всех областях колхозного производства. Все это в колхозе Сталина уже стало явью: и лесополосы, и пахота с предпушником, и лущение стерни, и опыление подсолнухов, и два пуда с полным зерном в десять гектаров, и — как результат всего — ежегодные высокие урожаи.

После агронома выступил председатель колхоза Серафим Никитич Зимовей. Он рассказал собравшимся о том, что колхоз, носящий имя величайшего человека современности, сделал неприютную, дикую степь чудесным краем золотых урожаев.

— В районе шестьдесят восемь колхозов, — сказал Зимовей, — их доход равен 22.589.000 рублей. Из этой суммы колхозу Сталина принадлежит 3.156.000 рублей, то-есть четырнадцать процентов всех колхозных доходов в Сальском районе... У нас в колхозе на семьдесят трудоспособных колхозников платьет получают дополнительную оплату за высокий урожай... Мы освоили травопольный севооборот, занялись животноводством, пчеловодством, виноградарством, обзавелись механическими мастерскими, пустили электростанцию, построили кирпичный завод, мельницу, водопровод протяженностью в четыре тысячи метров...

Из выступления секретаря парторганизации тов. Смыкова делегаты узнали о том, как коммунисты колхоза борются за сталинские урожаи и как колхозники работают над повышением своей общей и политической культуры.

— Наши колхозники получают по индивидуальной подписке тонны экземпляров газет и журналов, — докладчик говорил... — Мы подписали четыреста с лишним радиоточек, создали свой оркестр, организовали детские ясли, библиотеку, приводим в порядок стадион. Только в шахматной секции при нашем клубе состоит пятьдесят колхозников. В колхозе много велосипедов, есть личные мотоциклы, многие имеют баяны...

Потом выступали бригадир тракторной бригады Герой Социалистического Труда Васильченко, дважды награжденная орденом Ленина звеньевая Мария Яччук, лесомелиоратор Иванча, конюх Федоренко.

Они рассказали, как трудно было им восстанавливать разрушенный в дни оккупации родной колхоз, как они работали не покладая рук и добились высоких урожаев...

Белокурая Маша Яччук, щуря раздерзкие глаза, сошла у кафедры и заговорила так непринужденно, точно она была опытным докладчиком с большим стажем и читала привычную для нее лекцию в знакомой аудитории.

— Каждому известно, что семя требует света, тепла, воды и ценит, — сказала Маша. — Наше звено особое внимание уделило подкормке озимых. Мы решили удобрить поля навозной жижей. Оборудовали длинный деревянный желоб, а в нем просверлили тридцать восемь дырочек. Этот наш агрегат двигался по полю, а в него наливали навозную жижу, смешанную с водой. Товарищи уже знают по диаграммам, какой урожай мы получили... Правительство наградило меня за этот урожай вторым орденом Ленина...

Совещание в колхозном клубе длилось два дня, и вряд ли есть необходимость подробно излагать содержание всех докладов и выступлений. Нас в данном случае интересует другое.

Прежде всего интересно то, что важнейшее совещание областного масштаба проходило не в городском театре и даже не в городе, как это обычно бывает, а в одном из глубинных колхозов Дона. Тут люди увидели затрашний день нашей деревни, причем увидели «весомо, грубо, зримо».

Когда мы слушали докладчиков-знаменитых, разовых советских колхозников, нам припоминались всевозможные Америки и страны буржуазной Европы, пресловутый «закон прогрессивно убывающего плодородия», крикливая идеалиста «агротеософского» мракобесия Рудольфа Штейнера, мрачная проповедь возврата к библейским методам земледелия.

Нам припомнилось недавнее фарисейское письмо англичанина Генри Лейда, посмевшего упрекнуть нас в том, что в нашей стране якобы нет «честного и открытого конфликта научных мнений». Впрочем, сэр Г. Лейд, очевидно, разделяет убеждения своего соотечественника лорда Альберта Говарда, который, будучи имперским советником по сельскому хозяйству, заявил: «Сельскохозяйственное исследование настолько трудно, что оно доступно только избранным личностям».

Что бы, интересно, сказал лорд Говард, если бы он послушал ораторов-колхозников в Сальских степях?

Эти люди говорили о факторах жизни растений, о структурной и бесструктурной почве, о лущении стерни, о «мертвом горизонте», о производственно полезных подночвенных водах... Они выступали, как хозяева освобожденной, расцветающей земли, как истинные творцы, глядящие вперед и видящие коммунизм.

Для нас, участников совещания, выдающиеся успехи колхоза имени Сталина не были неожиданными. Мы знали этот чудесный колхоз, превративший дикую степь в сказочный оазис. Мы, конечно, интересовались живыми плодами того, что растили умные и деятельные руки сталинцев. Мы внимательно, затаив дыхание, слушали речь каждого оратора: звеньевого, бригадира, агронома, конюха.

Но нас и такой же мере интересовало и то, что происходило в колхозном клубе в те минуты, когда председатель об'являл:

— Перерыв на пятнадцать минут!

Во время перерыва делегаты обменивались впечатлениями, подходили к киоскам, в которых покупали сотни книг, небольшими группами стояли у колхозной выставки.

У витрины с саженными деревьев стоял широкоплечий коренастый мужчина в бархатной толстовке, на которой сверкала звезда Героя Советского Союза. Мы познакомились, заговорив о семенах татарского клена.

— Клименко Николай Сергеевич, председатель колхоза имени Ворошилова Александровского района, — хриплевато сказал мой собеседник...

Четыре года тому назад майор Клименко одним из первых провел свой танковый батальон через Ширее, круша последний гитлеровский солдат, промчался по Унтер ден Линден и в сорока метрах от рейхстага был тяжело ранен осколком в бедро. После войны он вернулся в родные места, был избран председателем колхоза и отлично повел хозяйство.

— Хорошо сталинцы работают, — удовлетворенно протянул Николай Сергеевич, — у них есть чему поучиться... Глядишь на их леса и как будто книгу про коммунизм читаешь...

Он тронул меня за рукав и сказал, хитровато щурясь:

— А вы, между прочим, ежели будет время, приезжайте в наш колхоз, поглядите, как мы хозяйничаем... План посева озимых мы перевыполнили, забо поднили всю, лесополосы насадили, закладываем свой лесопомпник, реку углубляем на протяжении пятисот метров, к первому мая пускаем электростанцию... Государству мы не должны ни одного зерышка... Мясопоставку за год вперед сдав... Приезжайте, поглядите, как мы живем...

Он поднялся и взял меня за локоть:

— Хорошо мы живем... Дорога у нас широкая... Сталинская дорога...

Колхоз им. Сталина,
Сальский район Ростовской обл.

Письма читателей

Учебник, который отстал от жизни

Переизданный Учпедгизом в 1948 году учебник Н. Баранского «Экономическая география СССР» по сравнению с прежним значительно улучшился: многие разделы в нем пополнены, цифры обновлены, учебник хорошо оформлен, отпечатан на хорошей бумаге.

Но есть в нем и недостатки. Учебник явно отстает от жизни. Я хочу выразить Учпедгизу претензии от имени города Сызрани (Куйбышевской области). Город наш, правда, небольшой. Ему отведено в учебнике на 169-й странице всего 5 строк, но и в этих пяти строках можно было бы сказать о городе то, что в нем действительно имеется, а не то, что было в нем чуть ли не до революции.

За годы советской власти город наш сильно вырос, стал крупным промышленным центром. Лицо города определяет сильно развившаяся машиностроительная и нефтяная промышленность. Есть у нас также сланцеперегонный завод, два крупнейших в Союзе асфальтовых завода, несколько крупных мельничных заводов и крупозавод, стеклозавод.

И поэтому нам, сызранцам, очень обидно читать в учебнике, что в Сызрани есть «значительная» пищевая, лесопильная и кожевенная промышленность. Эти сведения давным-давно устарели, а названные в учебнике «значительные» отрасли промышленности представлены мелкими полукустарными заводиками. Мы надеялись, что в новом издании эти ошибки будут исправлены, но, как оказалось, все осталось поврежнему. Ученики, которые учатся по этой книге в сызранских школах, в большой обиде на Учпедгиз за свой родной город.

Л. БЕЛОВА

Нетерпимое отношение к молодым мастерам

В Москве имеется шесть ремесленных училищ, готовящих мастеров художественно-отделочных работ для городского хозяйства столицы. Осенью минувшего года училища выпустили более пятисот человек. Около 400 выпускников были направлены в управления и тресты Московского совета. И вот, как на странную, в этих организациях молодые специалисты, на обучение которых государство затратило десятки тысяч рублей, используются не по назначению.

В тресте передвижки и разборки зданий из 18 лепщиков-модельщиков художественной лепкой и моделированием занимались только двое. В Управлении дорожно-мостового строительства 26 резчиков по камню были направлены на дорожные работы. На строительстве треста «Мосремонт» лепщики-модельщики и краснодеревщики грузили шлак, работали конюхами. В самом тресте «Мосремонт» специалисты по художественной росписи потолков и стен (альфрейщики) в течение пяти недель вообще ничего не делали, а затем трест откомандировал их на базу «Машиностроймрамор». Московуправление, которая занимается лишь механической покраской фасадов и кровель и прокатом строительных механизмов. Для того чтобы чем-нибудь занять альфрейщиков, руководство базы поручило им расписать стены и потолки своих кабинетов. Когда же это задание было выполнено, управляющий базой тов. Фадеев и его заместитель тов. Сладков посоветовали альфрейщикам... уйти в долгосрочный отпуск за свой счет. Молодые мастера разбрелись по различным местам, где расписывают всякие беседки-шкуки, делают куклы.

Пройдет несколько месяцев, и ремесленные училища выпустят еще сотни живописцев, резчиков по камню, лепщиков — людей, способных выполнять в натуре любые замыслы архитектора. Возникает вопрос, чем же они будут заниматься, где будут работать, если первые выпускники не могут найти себе применение?

И. РЕМИЗОВ, А. МИЛЯВСКИЙ

НАШ ПОЧЕТНЫЙ АКАДЕМИК

«В период исключительно напряженной борьбы двух систем на идеологическом фронте я хочу быть в партии Ленина—Сталина, чтобы в первых ее рядах бороться за торжество диалектико-материалистических идей, за демократическое преобразование мира, против реакционных философствующих идеологий».

С таким заявлением обратился в прошлом году в партийную организацию Института микробиологии старейший ученый нашей страны, почетный академик Николай Федорович Гамалея, 90-летие которого отмечает завтра советская общественность.

65 лет назад, когда молодой микробиолог начинал свою научную деятельность, он думал посвятить себя единственной цели — борьбе с инфекционными болезнями, которые всегда были бичом человечества. Он горячо и страстно начал эту борьбу. Но вскоре увидел, что на этом пути ему придется давать бой и другому врагу человечества — реакционному мракобесию.

Реакционеры в маскиях ученых всячески препятствовали развитию молодой материалистической науки. Н. Ф. Гамалея смело стал на защиту передовых идей своего века. И когда 62 года назад в Парижской медицинской академии должен был состояться диспут, который мракобесы пытались превратить в суд над Луи Пастером, знаменитый ученый вызвал из Одессы телеграммой именно И. Ф. Гамалея. Пастер был болен, наложили утроем, нанесенным ему врагами, он нуждался в защите, но не надеялся найти ее у своих ближайших учеников.

Почему же он обратился за помощью к молодому русскому микробиологу? Почему то искал покровительства для научного бо ни в Париже, ни в Кельне, ни в Лейдене с их хвалеными университетами?

Потому что лучшие представители русской науки, вдохновленные идеями революционных демократов, еще в прошлом веке начали борьбу за передовое материалистическое естествознание. Эта борьба шла в стенах Одесского университета, и в уездном городе Козлове, и в столичной медико-хирургической академии, и под Москвой в Петровско-Разумовской академии.

Несмотря на то, что царская реакция нагромоздила множество препятствий на пути передовой науки, ни в одной стране идеи дарвинизма не получили такого развития, как в России. Сеченов, братья Кавалевские, Тимирязев, Мечников, Павлов, Мичурин были не только вдохновенными исследователями, но и пламенными пропагандистами материалистического естествознания.

Перед нами простой, не аннотированный перечень работ юбиляра. Книги, исследования, журнальные статьи, описания опытов. Список занимает 20 страниц. Это лаконичный отчет о большом труде большой жизни.

Он ищет и находит активные средства и методы борьбы с опасными инфекционными болезнями, исследует на себе и своих близких действие созданных им вакцин. Он первым открывает явление бактериофагии, которое дает еще одно радикальное средство борьбы за здоровье человека.

В 1901 году иностранные пароходы занесли в Одессу чуму. В лабораторию к Гамалея были доставлены взятые на выборку четыре тысячи крыс — разносчиков заразы. Их подвергли исследованию. Восемь оказались с чумными бубонами. Этого было достаточно для начала огромного бедствия. Гамалея организовал эпидемический отряд. Власти оставались в стороне от этого противочумного похода. Добровольцы из числа врачей, студентов, городского населения истребляли крыс тысячами, десятками тысяч.

Так был погашен очаг черного мора...

Ноябрь 1918 года. На трибуну с'езда Союза Северных коммун (так в то время называлась Ленинградская область) поднялся пожилой ученый — Н. Ф. Гамалея. Он говорит, что за десять лет (1904—1913) в России болезо осной 4 миллиона человек, погибло одна десятая заболевших — 400 тысяч. Десятки тысяч людей осленли. Царские власти ничего не сделали для борьбы с этим бедствием. Теперь пришло время для того, чтобы начать поход против оспы. В апреле 1919 года Ленин подписывает декрет о всеобщем и обязательном оспопрививании.

Вся жизнь Николая Федоровича Гамалея была посвящена напряженной и опасной борьбе с болезнями. И в преображенной родной стране он увидел великолепные результаты своей работы. Это было наградой за усилия многих лет. Это было светлым, огромным счастьем.

На глазах ученого в советской стране ушли в прошлое извечные и страшные болезни. В 1927 году был зарегистрирован последний случай холеры. В 1938 году в последний раз советский врач поставил диагноз — «оспа».

Достаточно лишь одной из этих побед, чтобы имя человека, отдержавшего ее, было занесено золотыми буквами в летопись отечественной науки.

С юношеской свежестью восприятия отзывался ученый каждой из своих работ. Эта черта не оставляет его и в преклонном возрасте. В советские годы старый ученый энергично разрабатывает ряд жизненно важных проблем профилактической и лечебной медицины, руководит крупнейшими научно-исследовательскими институтами страны. Передовые, новаторские идеи находят у него поддержку.

Не раз Николай Федорович выступал против реакционеров-биологов, подчеркивал свою полную солидарность с учением Мичурина, со взглядами Лысенко.

Не раз он говорил, что свое высшее творческое развитие дарвинизм нашел в мичуринском учении. Этот вывод ему помогла сделать партия Ленина—Сталина, членом которой он стал в минувшем году.

Бодрым, полным веры в грядущее Родины, встречает старейший ученый свой юбилей. Ранним утром, когда начинается трудовой день страны, подходит он к своему столу исследователя. Он продолжает трудиться над актуальнейшими проблемами советской медицины: изучает направленную изменчивость бактерий; совершенствует свой способ лечения туберкулеза, восстановления тканей.

«Хочу итти с партией большевиков по верному пути — пути, ведущему в коммунистическое общество», — так Николай Федорович Гамалея закончил свое заявление о просьбой принять его в ряды партии Ленина—Сталина.

Говоря словами Ленина, 90-летний ученый пришел к коммунистическим убеждениям «через данные своей науки». Передовой материалистической науке нового мира — коммунизму — он отдает большой труд своей большой жизни.

Сегодня, накануне большого юбилея почетного академика Николая Федоровича Гамалея, писатели советской страны — друзья передовой науки — горячо поздравляют руку Николая Федоровича, неутомимого новатора, человека больших устремлений, борца за приоритет отечественной науки. Жизнь Николая Федоровича Гамалея в образец его страстного, творческого служения Родине — это волнующая тема, которая вдохновляет писателей. Радость больших свершений пусть не покидает вас, дорогой Николай Федорович!

Космополиты в кинокритике и их покровители

В газете «Советское искусство» от 12 февраля опубликован редакционный обзор журнала «Искусство кино». Обзор называется: «С позиций стороннего наблюдателя». Авторы стремятся уверить, что единственным серьезным выступлением журнала «Искусство кино» является описательный, недостаточно активный, «регистраторский» характер его статей. Они пишут о «теоретической бедности» журнала, называют его «случайным собранием случайных статей».

Весь обзор написан с таким расчетом, чтобы создать у читателей впечатление, будто бы никаких идейных ошибок или искажений у журнала не было. Все дело, мол, только в том, чтобы стать «активнее».

Однако, обращаясь к деятельности «Искусства кино», мы видим, что журнал достаточно активно проводил свою линию — антипатриотическую, враждебную советской культуре. Журнал «Искусство кино» стал откровенным рупором презренных идеек буржуазного космополитизма и эстетства.

Перед нами статьи одного из самых наглых приверженцев формализма В. Волькенштейна «Драма и зрелище в кино» («Искусство кино» № 2, 1947).

Так же, как и в своем основном «теоретическом» труде, в книге «Драматургия», написанной свыше двух десятков лет тому назад, автор совершенно игнорирует вопросы содержания, считая единственным признаком драмы и сценария абстрактный «драматизм», противоборство различных сил. Этот пресловутый «драматизм», имеющий уже не одного формалиста и эстета, — вспомним хотя бы недавние «изобличения» Д. Данина, — подчиняется В. Волькенштейном вне всякой связи с конкретным содержанием. Главное, был бы конфликт, а что с чем «конфликтует» — это вопрос «второстепенный». И неудивительно, что под обезличивающим пером формалиста в одном ряду оказываются и эпоха Петра I с Алексеем (кинофильм «Петр Первый»), и борьба комсомольца Матвеева с дворянами («Ленин в 1918 году»), и... конфликт Чапаева с Фурмановым («Чапаев»), хотя и ребенку ясно, что между всеми этими «конфликтами» по существу нет ничего общего.

Известно, что формализм — родной брат низкопоклонства. Статьи В. Волькенштейна лишний раз подтверждает это.

Говоря о той или иной формальной особенности кинофильмов, он в один ряд ставит и советские фильмы и продукцию буржуазной американской и английской кинопрамматургии.

Автор не только не желает видеть никакой принципиальной разницы между советским и буржуазным кинопроизведением, но откровенно исходит из порочнейших космополитических представлений о «единой мировой кинематографии».

Правда, в одном случае все-таки усмотрел он различие между советскими и американскими фильмами. По его мнению, американские фильмы больше тяготеют к драме, к единому сконцентрированному действию, а советские картины носят более «эпический» характер. Но так как секрет успеха автор видит только в «драматизме», то сам собой напрашивается «вывод», вполне достойный всей этой космополитической стряпни: с точки зрения В. Волькенштейна, американские фильмы ближе к «истинному» типу кинематографа. В позобные бредни рафинированные низкопоклонника журнал выдал за теоретические работы!

Гнилым космополитическим душком отдает статья И. Вальк «Искусство музыкализации» (№ 6, 1947). Если верить автору, отличие советских художников-музыкализаторов от американских состоит лишь в том, что в одном случае картина делается «в бело-серо-черных тонах и полутонах», а в другом представляет собой «линейно-штриховой рисунок». Не вина принципиального идейного различия между работой советских и американских кинематографов, автор статьи клевещет на советских художников. Неужели достаточно какому-нибудь американскому кинорежиссеру, вроде архиреакционного Диснея, воспользоваться «бело-серо-черными тонами», чтобы он сразу же достиг уровня советских фильмов!

На страницах журнала за 1947 и 1948 гг. опубликован ряд статей о зарубежном кино — американском, английском, итальянском, французском. Вместе острой, разоблачительной критики современного буржуазного кинокусства, взятого на вооружение империалистической реакцией, мы находим здесь нейтральные, безвубые «обзоры» с об'ективистским изложением содержания фильмов. А тон некоторых обозревателей нельзя назвать иначе, как рекламным. А. Эрштрем, например, полагает, что советского читателя может в какой-то мере интересовать то, что «Ингрид Бергман, безусловно, самая популярная звезда Голливуда, сменила пышные костюмы авантюристки в «Соратстватке» на монашеское одеяние в «Колоколах св. Марии» и на халат врача-психиатра в «Заколдованном» (№ 2, 1947) и т. д. и т. п.

Г. Авенариус в статье «Организация с'емочного процесса в Голливуде» (№ 3, 1947) пишет: «На почве такой системы в Голливуде воспитались своеобразные (!), высокого класса (!) специалисты-профессионалы, в совершенстве (!) овладевшие техникой мастерства...»

Так об'ективизм уступает место разнузданным восторгам и позвалам в адрес «первоклассных» голливудских «мастеров».

Вредная, непроходимая путаница отличает статьи Н. Оттена, одного из самых плодовитых сотрудников журнала. В статье с характерным заглавием «Законы жизни и законы жанра» (№ 2, 1947) он пытается сопоставить американские и советские спортивные фильмы. В основе американского фильма, уверен мы, лежит конфликт между талантом спортсмена, его жизненным призванием и необходимостью бороться за существование, т. е. «конфликт социальный, а потому и гораздо значительный и выразительный по большим обобщениям»; советские же спортсмены отражают действительность, где подобный конфликт не имеет места, и поэтому, дескать, им приходится строить конфликт, основанный на мелких недоразумениях.

Трудно понять, чего больше в этих рассуждениях — глубокого невежества или злопыхательства против советского социалистического искусства?

В другой статье неуемный Оттен высмеивает критиков, связывающих большие успехи нашего документального фильма с теми реальными явлениями действительности, которые в нем запечатлены. Такое представление опасно, поучает Оттен, ибо в данном случае «подлинные явления реальной действительности как бы заслоняют (!) и профессиональные достижения и профессиональные «болезни» документальной кинематографии» (№ 4, 1948).

Как видим, Оттен даже не считает нужным скрывать свою прямую нелюбовь к нашей действительности. Этот безудержный опустошенный эстет договаривается до того, что современная жизнь советского народа — народа героев, тружеников, созидателей — может «заслонить» профессиональные достижения кинокусства! Разве в наших лучших современных документальных фильмах не запечатлены с огромной художественной силой и волнующей правдивостью красота, богатство и мощь нашей Родины! Только безнадежный формалист и космополит, которому не дорога замечательные достижения, героические дела советского народа, может противопоставлять эту великую правду в красоту нашей жизни «профессиональным достижениям и профессиональным «болезням» искусства».

В этой же статье, рассуждая о жизнеутверждающем характере наших фильмов, Оттен торопливо оговаривается, что «речь идет о «лапсе утверждения», как об отсутствии решения художественной, а не только пропагандистской задачи».

Так эстетствующий формалист Оттен презрительно отводит от себя «подозрение» в том, что он имеет в виду вопросы идейного содержания! Так Оттен цинично противопоставляет идейно-воспитательную, пропагандистскую роль могучего советского искусства силе его художественной правительности. Тем самым Оттен прямо выступает против самых основ нашей марксистско-ленинской эстетики, утверждающей нерасдаемое единство идейности и художественности, правды и красоты. Тем самым он расписывается в своей полной приверженности формализму, в корне враждебному нашему искусству, которое одухотворено и вдохновлено нашей советской действительностью.

Приведенных примеров вполне достаточно, чтобы убедиться, что редакция «Искусства кино» не должна была и близко подпускать подобного эжетоеретика к журналу. Вместо этого она любезно предоставляет ему место.

На страницах журнала Н. Тарабукин производит декаданс. Он ориентирует советских художников на Врубеля, и упреждает автором советского фильма «Каменный цветок» в том, что он «не удалось равняться по Врубелю» (№ 1, 1947).

Можно ли удивляться, что журнал «Искусство кино», став рупором космополитизма и формализма, не делал ни малейшей попытки бороться против формалистических вывертов в теории и практике кино. Мало того, редакция даже польщалась, так сказать, «теоретически» оправдать свою гнилую, примиренческую позицию. После постановления ЦК ВКП(б) о опере «Великая дружба» В. Мурадели она опубликовала статью Л. Шварца «О советской киномузыке» (№ 3, 1948), в которой черным по белому написано, что это постановление не имеет никакого отношения к киномузыке, которая якобы «не могла быть сильно поражена формалистическим влиянием» в силу своей обязательной программности. Отсюда вывод об «исключительно благополучном положении музыки в кино».

Статья Л. Шварца — это уже нечем не прикрытое, наглое и возмутительное выступление против великих решений партии об искусстве, циничная защита формализма в киномузыке.

В ряде «теоретических» статей, опубликованных в журнале «Искусство кино», мы встречаемся с политически вредными, откровенно идеалистическими «концепциями».

И. Вайсфельз, например, формулирует ленинские положения в таком чудовищно искаженном виде: «Ленин учил, — безапелляционно заявляет он, — что сознание человека не только отражает об'ективный мир, но и творит его» (№ 7, 1947).

Под формулировкой Вайсфельза охотно подписался бы любой идеалист, любой мистик. Ведь это именно они пытались «доказывать», что не бытие определяет сознание, а наоборот, жизнь порождается сознанием, возникает «из идеи».

И подобные идеалистические бредни повторяет человек, именующий себя советским критиком, а люди, называющие себя советскими редакторами, охотно печатают его.

Все эти факты свидетельствуют о том, что редакция журнала «Искусство кино», «теоретики», подвизающиеся на его страницах, стоят на вредных, антипартийных, антипатриотических, антинародных позициях.

И поэтому глубоко вредным, порочным от начала до конца является редакционный обзор журнала, опубликованный в газете «Советское искусство» от 12 февраля 1949 г., согласно которому весь «грех» журнала состоял лишь в его наивности, «неопытности», серости. Нет, у группы кинокритиков, окопавшихся в журнале «Искусство кино», своя определенная линия, свои «система взглядов», враждебная по всему своему духу и смыслу искусству советского народа. Это — группа эстетов, смаковавших мельчайшие «изгибы» формы, «вертлей, оторванной от жизненного содержания, взгляды космополитов, тоскующих по единой и неразделимой «мировой кинематографии», пресмыкавшихся перед последними «достижениями» американского кино. Это взгляды людей, не имеющих ничего общего с могучим искусством нашего великого народа, тщетно силящихся остановить победную поступь советской культуры, кино, драматургии, литературы.

Примиренческая статья газеты «Советское искусство», не уделившей в деятельности журнала никаких серьезных идейных ошибок, является не чем иным, как попыткой защитить, взять под свое покровительство порочные взгляды редакторов и сотрудников журнала «Искусство кино».

Дело не только в том, что журнал мало помогал нашим кинопработникам, но и в том, что статьи В. Волькенштейна, Н. Оттена, Л. Шварца и других мешали развитию советского кино, неверно ориентировали наших кинодраматургов, режиссеров, операторов, актеров.

Об'ективный смысл теоретической «деятельности» этих кинокритиков сводился к тому же, к чему сводилась подрывная работа в драматургической критике граничей и юзовских, в литературной критике стефанов и дениных.

Наша партийная критика разгромит все гнилые и иные гнилоеды и убежища эстетов и безродных космополитов, расчистит широкую дорогу могучему советскому искусству, достойному великой сталинской эпохи.

Журнал «Искусство кино», №№ 1—7 1947 г. и №№ 1—4 1948 г.

Библиотека им. Н. А. Некрасова
electro.nekrasovka.ru